

Рациональный взгляд на успехи мистики*

Лев Клейн

1. Мистика и постмодернизм.

В широком смысле, мистика – это вера в тайные силы, не подчиняющиеся установленным законам природы. Для мистики характерны, во-первых, *неизречённость* (зыбкость, туманность проявлений, невозможность изложить суть ясными словами), во-вторых, *интуитивность* (невозможность постичь разумом, только чувством, прозрением – это всё видения, вещие сны), и, в-третьих, сугубая *индивидуальность* (истина не всем открывается, только избранным).

Мистики появлялись в цивилизованном мире и в прежние века: Майстер Экхард, Якоб Бёме, Эммануэль Сведенборг и другие. Но чем ближе к XX веку, тем больше мистика выходила на первый план и овладевала массами. Столоверчение прокатилось модой по предреволюционной России, теософия увлекла интеллектуалов, астрология хлынула из тайных кабинетов правителей на страницы газет. В советское время мистике сделали укорот, поскольку рассматривали её (не без резона) как разновидность религии, отвергавшейся марксизмом, но в самой вере социалистов в свои утопические планы, а ленинистов – и в мировую миссию России, было нечто мистическое.

Потрясающий расцвет мистики во второй половине XX века идёт рука об руку со взлётом постмодернизма в искусстве и науке. Похоже, что у них одна историческая основа, одни социально-экономические корни. Основа постмодернизма рассмотрена в работах Ж. Ф. Лиотара (Lyotard 1984), Ф. Джеймсона (Jameson 1984) и Д. Харви (Harvey 1989).

Постмодернизм пришёл на смену модернизму с 70-х годов XX века. То в одной, то в другой отрасли науки и в искусстве стали возникать явления, показывающие разочарование в рациональном подходе, в современной технике, в научной объективности, в конструктивности решений. Вместо научного объяснения в моду вошло интуитивное понимание, вместо рациональности – иррациональное движение души, вместо конструктивных планов – деконструкция, вместо логики – метафора, вместо аргументов – риторика, вместо исследования – спектакль, вместо серьёзной науки – откровенная игра. Харви составил даже целую таблицу таких оппозиций, из которой я назову только некоторые: вместо плана – случай, вместо иерархии – анархия, вместо завершённой работы – хэппенинг, вместо централизации – рассеяние, вместо смысла – риторика и т. д. Эти тенденции и называются *постмодернизмом*.

Подспудный механизм этого процесса указанные авторы представляют так. К 60-м – началу 70-х гг. люди, жившие в это время, старшее поколение, пережили две мировые войны, волну революций и последовавшие деспотии, но развитие капитализма шло в одном направлении – усиления монополий и роли государственного регулирования. Это так называемый *Фордовский капитализм*. За счёт этого и дешёвой нефти из стран третьего мира происходил не только рост капитала, но реализовывались социальные программы помощи, чтобы умерить социальную напряжённость. В Европе и Америке сложилось *потребительское общество*, в котором каждому человеку был обеспечен, по крайней мере, некоторый минимум всего необходимого для жизни.

Но с 70-х годов мир пережил ряд потрясений.

1) нефтяной кризис – резкое увеличение цен на нефть в связи с арабо-израильской войной 1973 г. и революцией 1978 г. в Иране;

2) шатания валют;

---

*) <http://www.atheismru.narod.ru/humanism/journal/59/klein.htm>

3) появление новых развитых стран (Япония, Южная Корея, и проч.), которые стали отбирать рынки и рабочие места у прежних господ положения.

Поэтому в середине 70-х годов произошла перестройка капитализма, фордовский сменился пост-фордовским.

Если в фордовском – централизованное производство, связанное с определёнными регионами, планируемое с участием государства, то пост-фордовский – децентрализованное производство, мелкие производственные центры, где дешевле рабочая сила. Производство фрагментируется, теряется связь с определёнными регионами. Родилось «гибкое накопление», произошло разрушение государственных программ социальной поддержки. Вместо постоянного штата – работа по договорам, контракты. Это характерно для политики премьеры М. Тэтчер и президента Р. Рейгана.

Отразилось это и на психологии человека: индивид потерян, дезориентирован. Стабильность подорвана далёкими и невидимыми силами, с которыми контакта нет. В то же время управление отдано компьютерам, машинам и обезличено. За решениями не виден человек.

Утеряна вера в идеологию, обещавшую контроль над силами, формировавшими обстановку и жизнь, которые превращали мир в систему, подчиняли жизнь познаваемым законам и правилам. Утеряна вера в серьёзную науку, всё это обосновывавшую. На равных правах с нею действуют шарлатаны, мистики, в моде отстранённая ирония. Очень многое связывается не с трудом, а с удачей. На первый план выходит игра.

Насколько это объяснение убедительно, можно судить по одному обстоятельству: на постсоветское пространство постмодернизм проник только в 90-е годы. С опозданием на 20 лет. Между тем, обычно научные идеи с Запада, несмотря на противодействия властей, проникали в СССР очень быстро, иногда развивались параллельно там и тут. Например, структурализм – у нас был Пропп до Леви-Строса, Лотман и Гуревич параллельно с ним.

Но с постмодернизмом было иначе. Почему? Потому что советское производство отличалось от фордовского прежде всего тем, что в СССР была только одна монополия, один монополист, в связи с чем не было конкуренции и рыночного развития производства, была деспотическая власть и реставрация крепостнических и рабовладельческих отношений. Но плановость была в полном объёме. Всё было предсказуемо до малейших деталей. Жизнь шла по правилам. Каждому рядовому человеку обеспечивался крохотный гарантированный минимум. Введение рынка при переходе от 80-х к 90-м гг. ликвидировало эту стабильность и уверенность. Индивид почувствовал себя потерянным и брошенным на произвол судьбы.

Последовал невероятный разгул мистики, всякого рода знахарства, колдовства и шарлатанства, массовый успех которых можно сравнить только с рождением религий. Джуна в Кремле, Кашпировский, Чумак, Глоба, баба Нюра («Я тебе помогу»). Все мы помним эти миллионные массы перед телевизорами, с банками воды в руках, ждущие зарядки священной энергией. Прогнозы Глобы и других астрологов всерьёз обсуждаются по интернету. Уже в 2010 году (!) покойный осьминог Пауль, сидя в бассейне, предсказывал результаты футбольных матчей, и это распространялось по телевидению как первая новость.

Но поскольку на Западе мистики появились в самой науке до 70-х, вскоре после войны, то очевидно, что первым стимулом для смены ориентации в сторону от научности послужила Вторая мировая война. Она оказалась именно таким потрясением основ.

Сказались, вероятно, и другие факторы: ожидания скорой «замены» мозга искусственным интеллектом компьютеров не оправдались; наука перестала быть элитной, стала массовой профессией – все становятся учёными, авторитет науки понижается вместе с её недоступностью; сложились плюралистические принципы, многие ценности равноправны – наука, религия, мистика, мистификация, игра – всё позволено высказывать и отстаивать.

Можно быть уверенным, что нынешний экономический кризис приведёт к ещё большему натиску мистики на рациональную составляющую общественного сознания.

Неожиданный взлёт популярности мистиков был сопряжён с тремя новшествами. Первое – это всё более сильный интерес к Востоку, к Индии. Второе – профессионализация мистицизма. Третье – вполне «мирное сосуществование» иррационализма с идеями плюрализма, толерантности, движением за права человека. Рассмотрим эти три новые черты подробнее.

2. Теософы.

Мистики прошлых веков основывались на каббале, на прочтениях Библии, на средневековых легендах и манускриптах. Новые мистики открывали для себя источник идей в восточных религиях, прежде всего в индийских – в индуизме, буддизме, особенно в тантризме. На этой основе они создавали собственные религиозные секты, смешивая индийские культы и учения с доктринами некоторых европейских философов.

Застрельщицей в этом деле была русская экзальтированная женщина Елена Петровна Блаватская (1831–1891). Родившись в семье выходца из Германии, артиллерийского офицера Петра Гана, женатого на дочери княжны Долгоруковой, Елена Ган имела знатных родственников – С. Ю. Витте приходился ей двоюродным братом. Семнадцати лет она вышла замуж за пожилого эриванского вице-губернатора Никифора Блаватского, но оставила его через несколько месяцев. Начитавшись романов английского писателя Эдварда Булвер-Литтона, особенно «Последние дни Помпеи» (1834) – о культе Изида в древнем Риме, – она в 1848 г. устремилась в Египет, страну пирамид, древних культов и тайных знаний, надеясь приобщиться к ним. Это путешествие потом отразилось в её книге «Разоблачённая Изида» (1877, нов. изд. 1902), полной страстных обличений современной науки и вообще рационализма.

Авантюристка по натуре, молодая женщина пустилась и далее странствовать по Греции, Малой Азии, наконец, по Индии (была в пути до 1851 г.) и несколько раз неудачно пыталась проникнуть в Тибет. К этому времени языковеды как раз открыли родство санскрита с европейскими языками и богатство индийской мифологии – Индия стала представляться истоками европейских языков и религии. Блаватская прониклась убеждением, что именно там – основы великих тайн бытия. Особенно её занимал миф о Шамбале – скрытом в Гималаях царстве, где скрываются сверхъестественные маги, тайно управляющие миром. С 1853 г. на десять лет Блаватская осела у родных в Одессе, потом в Тифлисе. С 1863 г. Блаватская снова в странствиях по Индии, проникает, наконец, в Тибет. На эти странствия уходит ещё десять лет – до 1872 г.

В Тибете она, по её словам, прошла посвящение в оккультные мистерии. Уже в начале 70-х Блаватская, женщина сорока с лишним лет, проповедует эзотерический (открываемый только избранным) буддизм, разработав на его основе свою «теософию» (букв. богомудрие), хотя идея персонифицированного Бога ей чужда. Из буддизма её теософия заимствовала идею безличного Бога. Затем на пять лет она уезжает проповедовать обрётённые истины в Америку. В 1875 г. в Нью-Йорке основала Теософское общество. Блаватская отвергла и науку, и откровение Божье, но и атеизм был чужд её романтической душе, взыскующей полёта, экзотики и чуда. Она избрала «тайную доктрину», которая должна установить связи между природными явлениями и высшими силами, неподвластными науке и церкви. Средства для этого – магия и оккультные знания (знания об управлении сверхъестественными силами), полученные от мудрецов в Тибете. После разлада в Теософском обществе вернулась в Старый Свет. В следующие десятилетия снова путешествует по Индии и Европе. Неутомимость и энергия этой женщины изумляют. В ней были заложены качества революционерки (не случайно она внешне так похожа на Крупскую). Автор того времени Вс. С. Соловьёв видел в её учении приспособление буддизма к европейской атеистической мысли (Соловьёв 1994).

Занявшись литературным творчеством, Блаватская выпустила много книг, из которых главная – «Тайная доктрина» (1888, совр. изд. 1993). На книгах её появляется индийская свастика – как символ кругооборота жизни. В России и ныне переиздаются её книги «Письма из пещер и дебрей Индостана» (2004), «Скрижали астрального света» (2001; 2004), «Оккультизм или магия» (2006). Спрос не иссякает.

У Блаватской были тысячи адептов. Конечно, она должна была постоянно показывать своим приверженцам своё владение магическими силами и чудесными способностями, в частности предсказывать события, двигать предметы взглядом и т. п. После ряда таких сеансов в 1884 г. её обвинили в шарлатанстве, и расследование, проведённое английскими психологами, повлекло к признанию обвинений справедливыми. В 1885 г. штаб-квартиру теософов изгнали из Индии. Блаватская переместилась в Лондон. Там её продолжали обвинять в шарлатанстве. С этим обвинением 60-летняя создательница теософии и умерла. Позор, конечно, умерил её популярность, но не устранил вовсе. И до сих пор в разных местах земного шара день её смерти отмечается поклонниками как день Белого Лотоса.

Идею о миссии Индии, о её тайных священных центрах, где наставники арийской расы сохраняют свои великие знания и грозные силы, развивал французский мистик Жозеф Сент-Ив д'Альвейдр (Joseph Sent-Ive d'Alveidre, 1842 – 1909) в книге «Миссия Индии в Европе». Там, учил он, скрываются до поры до времени великие вожди и маги. В начале XX века д'Альвейдр приезжал в Петербург и вещал об этом царю Николаю II.

Одним из последователей Блаватской стал австрийский философ и архитектор Рудольф Штейнер (1861 – 1925), моложе её на 30 лет. Занимаясь в Венской технической школе, он одновременно слушал курсы лекций по философии в Венском университете. Там на него большое влияние оказали Ф. Brentano и ученик последнего Т. Липпе, предлагавший некую эстетику «вчувствования». Изучал студент и философию Ницше – это отразилось потом в его книге «Ницше – борец против своего времени» (1895). Всё это Штейнер воплотил в идеи сверхчувственного познания мира через самопознание человека. Он полагал, что силой воли и напряжением ума можно непосредственно воздействовать на природные явления и социальную среду. В 1902 г. сорокалетний Штейнер вступил в «Теософское общество» Блаватской (уже после её смерти) и вскоре стал главой его немецкой секции. В теософии Штейнер видел поиск основы мировых религий. За 10 лет он стал заметной фигурой в Теософском обществе, но в 1913 г. вышел со своими сторонниками из общества и основал собственное общество – «Антропософское». Разногласия состояли в том, что теософия Блаватской имела в основе буддизм, а Штейнер не хотел расставаться с христианством (Steiner, 1998; Baumann-Bey 2000; Lindenberg 2004).

Но больше всего Штейнер смолodu увлекался философским и естественнонаучным наследием Гёте. Весной 1913 г. он и его сторонники приобрели участок земли в Швейцарии и возвели на нём по проекту Штейнера грандиозный и чрезвычайно оригинальный дворец в честь Гёте – Гётеанум, весь из пластичных изгибающихся бетонных масс (теперь это – классическое произведение модернизма). В этом дворце происходили собрания антропософского общества и ставились драмы-мистерии. В России к сторонникам Штейнера принадлежали Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Василий Кандинский и другие деятели культуры.

Более верным последователем Блаватской был русский художник Николай Рерих (1874 – 1947), которой был на 43 года моложе основоположницы теософии. Он родился в России в семье нотариуса и принадлежал к знатному лютеранскому роду. Мать его, М. В. Калашникова, крестила его в православной церкви. Семья приобрела у графа Воронцова имение Извару под Питером, названное так графом в результате его путешествия в Индию. В доме висела картина, изображающая гору в Гималаях. Это были детские впечатления Николая Рериха. Друг семьи археолог Ивановский брал подростка с собой на раскопки, а вскоре тот и сам раскапывал курганы.

Поступив в Академию художеств, Рерих учился у Куинджи и Васнецова, а у Стасова воспринял идею о связи русского искусства с Востоком. Изначально признавался знакомым, что его обуревают страсть к путешествиям. Втайне его обуревали непомерное честолюбие и жажда власти над людьми. Помня детские впечатления, мечтал об Индии. Женился на племяннице княгини Путятиной Елене Шапошниковой, которая также интересовалась восточной религией. В 1908 г. оба они вступили в «Теософское общество» покойной Блаватской, а Елена Ивановна перевела на русский «Тайную доктрину». После смерти отца Рерих продал Извару и вместе с женой Еленой Ивановной отправился в Париж, где увлёкся символизмом. Там познакомился с русским востоковедом В. В. Голубевым и планировал отправиться с его научной экспедицией в Индию, но война сорвала эти планы.

На основе индийских культов Рерих разработал «Учение Живой этики» (Агни-Йога) и организовал первые русские группы сторонников йоги. В революционные годы Рерих, подобно Репину, остался в Финляндии. В 1918 г. по приглашению Рабиндраната Тагора собрался в Индию, но из-за недостатка средств уехал вместо того в США с выставкой своих картин. Как полагает в своей книге О. А. Шишкин (1999), художник всё более интенсивно становился советским «агентом влияния» и выполнял разные поручения советской разведки. Этим, де, объясняется его свобода передвижений и непрерывная связь с родиной. Вряд ли это буквально так, но взаимные расчёты его и советской разведки видимо были.

В 1923 г. супруги всё-таки отправились в Индию и путешествовали по Индии пять лет. Там Рерих писал темперой яркие картины индийских священных мест и символов. Он предпринял труднейшее путешествие по Тибету и Центральной Азии для приобщения к священным местам (Рерих 1991) и, как полагает Шишкин, для выполнения политических поручений советской дипломатии. В составе экспедиции и вообще в окружении Рериха подвизались знаменитый Яков Блюмкин (убийца немецкого посла Мирбаха) и другие чекисты. На деле Рерих мечтал о создании собственного государства в Гималаях и видел себя новым властителем страны лам. Прибытие Рериха в Тибет совпало с бегством Таши-ламы из страны. По преданию, бегство верховного правителя должно начать цепь событий, которые приведут к наступлению новой эры – эры Шамбалы. Шамбала – это связующее звено между небом и землёй, царство в долине внутри Гималаев. Там великие учителя, махатмы, хранят святыне тайны до тех пор, пока Ригден Джапо, верховный правитель Шамбалы не поведёт своих воинов на войну с силами зла. Когда все враги будут побеждены, наступит блаженная эра Шамбалы. Рерих верил, что это высшие силы призвали его в сердце Азии – в страну Шамбалы (Рерих 2000; 2005). Ради единения он рисовал Иисуса с индийскими святыми.

Путешествуя по Центральной Азии, Рерих вынужден был пересечь советскую территорию, договорившись с советскими властями. В 1926 г. он передал наркому Чичерину обращение с хвалебными словами о революционной России: «На Гималаях мы знаем совершаемое вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков...».

Вернувшись в Америку, Рерих мобилизовал в 1929 г. деньги американских миллионеров и возвел в Нью-Йорке 24-этажное здание своего музея, заполнив его тысячей своих картин. Музей существовал недолго: в годы депрессии он обанкротился, и 1006 картин Рериха попали в чужие руки. Как и Блаватскую, Рериха тоже обвиняли в шарлатанстве. Он решил вернуться в Индию и поселиться там навсегда. В Индии он основал Гималайский Институт научных исследований и назвал его Урусвати («Свет утренней Зари»). Для себя и семьи он купил у местного раджи дом в долине Кулу, где и поселился. Там он продолжал писать свои картины. Бритый наголо и с седой бородой, он расхаживал в круглой шапочке и чёрном расшитом плаще, производя впечатление потустороннего мага. Местное население звало его Гуру-дева («Великий учитель»).

В 1935 г., когда ему было 65 лет, его постигла болезнь сердца. Ещё через 8 лет он умер. Сын его, Юрий Рерих вернулся в СССР в 1957 г. и через три года умер. Другой сын, Святослав, тоже художник, женился на знаменитой индийской актрисе и остался в Индии.

Блаватская жила в XIX веке, и то, что она ударились в мистику и увлеклась индийскими религиозными учениями (а индийская религия не имеет единого Бога), можно объяснить не столько первыми проблесками нигилизма, сколько её личным разочарованием в христианстве, связанным, возможно, с её неудачным замужеством. Но Рерих и другие её последователи жили уже в XX веке, их увлечённость индийскими мистическими учениями, видимо, связана с какими-то крупными социально-психологическими сдвигами и с кризисом христианства. Этот кризис заключался в том, что христианский Бог, всеблагий и всемогущий, не предотвратил разрушительные мировые войны, в которых погибали массы ни в чём не повинных людей. В России этот кризис мог начаться раньше, так как поражение в русско-японской войне и революция 1905 года воспринимались в том же ключе.

На атеизм же не у всех хватало духа: он ведь требует решимости остаться один на один со стихией, без незримой поддержки и без упования. В интервью, которое Мирча Элиаде в конце жизни дал французскому философу Роке («Испытание лабиринтом»), есть такой диалог:

«Р.: Вы говорили, что эта молодежь уходит от монотеизма, с одной стороны, и от атеизма – с другой, двояко: либо в “натуральную”, “космическую” религию, либо в “религии Востока”.

Э.: Именно...»

Итак, увлечение мистикой в XX в. было связано с ориентацией на индийские учения и вообще на Восток, а также с кризисом христианства.

3. Кризис христианства.

Ясные признаки кризиса христианства можно видеть в творчестве двух сверстников, явившихся чрезвычайно влиятельными теологами XX века, Карла Барта и Пауля Тиллиха. Молодость обоих началась уже в XX веке.

Карл Барт (Karl Barth, 1886 – 1968; см. Balthasar 1951; Busch 2005), сын швейцарского (базельского) специалиста по библейским текстам, чрезвычайно уважал традиционную протестантскую теологию, пока в начале Первой мировой войны немецкие теологи не выступили с декларацией в поддержку милитаристской позиции кайзера Вильгельма II. Ведь это противоречило Христовым заповедям. Мировая война, с её жестокостью и кровопролитием, с бедствиями и гибелью масс невинных людей, означала для Карла Барта моральное банкротство христианской цивилизации. Он пришёл к выводу о пагубности отождествления христианства с культурой. В своём учении – «диалектической теологии» – он настаивал на принципиальном разрыве между верой и религией. По протестантскому учению для спасения человеку не требуется досконального знания Библии и непременно участия в церковной обрядности – достаточно самого акта веры. Вот и нужна вера, а не религия. Церковь погрязла в формальностях, обогащении и угождении властям. Церковная религия тождественна для Барта неверию и идолопоклонству.

Другой путь прошёл сверстник Барта немецкий теолог Пауль Тиллих (Paul Tillich, 1886 – 1962; см. Albrecht und Schubler 1993; Pomroy 2002), который избрал то же принципиальное решение, но в другом варианте. Сын лютеранского пастора, он происходит из прусской деревни (ныне это территория Польши). Учился в университетах Кенигсберга, Берлина, Тюбингена и Галле. Изучал философию и теологию. В 1910 г. защитил в Бреслау диссертацию по философии, а через два года – по теологии в Галле. Тема диссертации – «Мистицизм и осознание вины в философии Шеллинга». Тезис был такой: «оправдание верой» – можно сомневаться в любых утверждениях Библии и тем не менее быть угодным Богу. В 1912 г. Тиллих стал пастором, а в 1914 отправился

добровольцем на фронт, где и провёл всю войну в качестве капеллана. Он разделял веру немцев, что «с нами Бог» (надпись на пряжках солдатских ремней), верил «в доброго Бога, который всё устроит к лучшему».

Война внесла огромное потрясение в его психику – аналогичные психические сдвиги описаны Ремарком. Тиллих тоже принадлежал к «потерянному поколению». Он участвовал в долгом и ужасающе кровопролитном Верденском сражении. В декабре 1916 г. он писал отцу: «Мы испытываем страшнейшую из катастроф – конец мирового порядка». Старое понятие о Боге рухнуло. На его месте – пустота. В декабре 1917 г. Пауль Тиллих пишет: «Продумав идею оправдания верой до её логического завершения, я пришёл к парадоксу о вере без Бога».

Поражение в войне и крушение немецкой культуры XIX века он переживал как личное потрясение, обозначая его греческим словом «кайрос» (время свершения) – имелось в виду осознание гибели старого мира и возникновения нового в момент созревания для перемен. После войны его переполняло чувство вины: миллионы погибли, а он остался жив.

В Берлине Веймарской республики он сблизился с богемой, с отверженными, с марксистами. В 1919 пишет статью «Социализм как вопрос церкви». Он не принимает бартовского разделения культуры и веры и приходит к идее *теономии*: Бог во всём. В книге «Теология культуры» он задаётся целью выявить религиозный опыт в основании культуры во всех её проявлениях (Korthaus 1999).

Устроившись преподавать теологию в Марбурге, затем профессором в Дрездене, он, наконец становится профессором философии во Франкфурте, в «красном университете», где сложилась франкфуртская школа марксизма. Один из её столпов Теодор Адорно становится его другом. В 1932 г., когда нацисты рвутся к власти, Тиллих пишет книгу «Социалистическое решение», в которой характеризует нацизм как политический романтизм, способный вернуть человечество в эпоху варварства. Естественно, в 1933 г., с приходом Гитлера к власти, Тиллиха отстраняют от преподавания. Вместе с франкфуртскими марксистами он уезжает в эмиграцию. В Америке его принимает Колумбийский университет, потом Гарвард.

В свои книги на английском языке Тиллих учит, что Бог равно далёк от сакрального и светского, так что мирские дела он также приемлет, как и церковные. В книге «Мужество быть» (1952) Тиллих рассматривает разные виды тревоги совести (судьбы и смерти, вины и осуждения, пустоты и бессмысленности) и пути их преодоления (мужество быть частью коллектива, быть самим собой и принять решение). С догматическим христианством Тиллих продолжал оставаться на ножах – он даже отрицал воскрешение Христа. В такие чудеса он не верил.

Споря друг с другом, Барт и Тиллих означали, тем не менее, новую реформацию в христианстве, и их даже иногда ставят на одну доску с великими реформаторами XVI века. Подобно той реформации эта новая реформация, конечно, знаменовала жестокий кризис христианства. На его фоне понятнее становится образование разных сект, увлечение мистикой и восточными эзотерическими учениями.

4. Мистицизм в антропологии.

Второе новшество, связанное с оживлением в XX веке мистических учений, – это профессионализация мистики, её проникновение в среду антропологов.

И раньше временами даже у антропологов можно было заметить склонность к мистике – у Карла Юнга, Тейяра де Шардена, в циклизме это заметный оттенок (у Шпенглера, Сорокина, Гумилева). Но в профессиональной среде антропологов и этнографов не было людей, полностью отданных этому. И вот теперь они стали появляться, проникая в культурную антропологию не изолированными одиночками (как в

циклизме), а почти как целое направление. Причём, коль скоро этнографы нередко близко сотрудничают с туземными колдунами, это выглядело как заражение, инфекция.

Она началось во Франции. Глава французской этнографической школы и автор учебника, бывший лётчик и опытный африканист Марсель Гриоль (Griaule 1898 – 1956), всю жизнь работал в духе дескриптивизма и собрал огромный материал. Его первое этнографическое путешествие в Абиссинию описано им в романе-отчёте «Человеческие факелы». Монография о догонах «Маски догонов» стала его докторской диссертацией. Он стал профессором Сорбонны и заведующим кафедрой этнологии. Но, описав материал, он остановился перед объяснительными задачами. В 1947 г. он вдохновился объяснениями, которые ему давали сами догоны. Раньше он вёл опрос информантов энергично, хитро, наступательно, как допрос – они ведь уклоняются от неудобных вопросов, лгут, сочиняют. Но вот он был посвящён в таинства догонов и 33 дня проходил обучение у мага Оготеммели (описано в книге «Бог воды» – Griaule, 1948: Dieu d'eau). С 1950 г. он сам стал учеником, а Оготеммели учителем. Стратегия Гриоля в этнографии изменилась – не выдавливать информацию как бы насильственно, а получать *откровение*. В этой «живой мифологии», в «метафизике» догонов он увидел ключ к пониманию Африки. Даже после его смерти в 1956 г. его школа продолжала выпускать его труды и труды учеников (1965) с мифологическими объяснениями космоса и туземной теорией языка. Впрочем, его сотрудница Жермен Дитерлен (род. в 1903 г.) добавила к этому структуралистское рассуждение о единстве суданских мыслительных систем.

В 1961 г. ещё более откровенный перелёт в мистику совершил мексиканский этнограф Карлос Кастанеда (Castaneda). Собирая материал для этно-фармакологической диссертации, он *уверовал* в тайное учение дона Хуана Матуса из мексиканского племени яки. Натёрся «чертовым корнем» галлюциногенного кактуса пейот.

«Мои ноги стали резиновыми и удлинились, стали чрезвычайно длинными... Я взглянул вниз и увидел дона Хуана далеко внизу подо мной... Я прыгнул назад и заскользил на спине. Я увидел тёмное небо надо мной, а облака я оставил подо мной... Скорость моя была чрезвычайной». И т. д.

Вернувшись, он спросил дона Хуана, где было его тело во время полёта. В кустах, ответил тот. Значит, я летал только в своём представлении? Нет. А если я прикую своё тело к скале цепью? «Боюсь, тебе придётся лететь со скалой, висящей на тяжёлой цепи», – ответил дон Хуан.

Для Кастанеды это реальность: ведь это видел не он один, но и дон Хуан. После 5 лет свиданий Кастанеда испугался. Он потерял веру в свою личность, в собственное здравомыслие, и порвал с индейским магом. Но через 3 года вернулся и продолжил занятия.

Дон Хуан развернул целое учение о «втором внимании», «вратах в бесконечность», «точке сборки» и проч. Маг видит за твёрдыми предметами энергию, сущность вещей. Когда маг смотрит на человеческое существо, он видит громадное светящееся образование, которое при перемещении оставляет глубокую борозду в энергетическом поле Земли. Оно как бы плывёт, волоча за собой наподобие хвоста вспахивающий землю стержневидный корень», а внутри – «точка сборки», размером с теннисный мячик.

Об этом Кастанеда говорит в четырёх книгах, пользующихся бешеным успехом: «Учение дона Хуана: Путь знания индейцев яки», 1968; «Отдельная реальность», 1971; «Путешествие в Икстлан, Уроки дона Хуана», 1972; «Сказки силы», 1973. Их содержание пересказывал мне с горящими глазами один студент за столиком в столовой Университета в Петербурге. Между тем, как-то дон Хуан сказал Карлосу Кастанеде: «Я играю очень искренне, но ведь это всего лишь игра, как в театре».

В конце 60-х – начале 70-х американскому этнологу Барбаре Майерхоф (Myerhoff) шаман племени хвичолов мараакам Рамон Медина Сильва дал поесть растение пейот. Она увидела себя сидящей на огромном дереве, корни которого уходили вниз в землю, а крона – в небо. Это было Древо Жизни. Потом она увидела птицу, вертящуюся от

возбуждения, получеловека-полупопугая. Это был Рамон в своей функции носителя душ. Барбара задала ему вопрос, который уже месяц не уходил из её головы: «Что означают мифы?». Он ответил: «Мифы не означают ничего. Они означают сами себя...». Это из её книги «Охота Пейот» (1974).

Всё это мистика. Антропологи в большинстве встретили писания Кастанеды сугубо критически (Mille 1976; Noel 1976). Марвин Харрис отмечает, что у Кастанеды не приведено конкретных сведений для проверки; в разных томах Кастанеды есть противоречия в изложении хода событий; зато есть совпадения его рассказов с литературой о шаманизме; опубликованные воспоминания жены и друзей усиливают основания для подозрений, а сам Кастанеда и не пытался защищаться. Сомневаются не только в реальности его «видений», но и в достоверности его рассказов, более того – в том, что он когда-либо был учеником дона Хуана и интервьюировал его, и даже в существовании дона Хуана вообще (Harris 1980: 320 – 323). Правда, релятивист Дэвид Силвермэн заявил, что ему всё равно, реально ли это всё или нет – это занятный феномен в любом случае, потому что всё в мире недостоверно (Silverman 1975). Если антропологи, пусть и немногие, воспринимают чушь Кастанеды всерьёз, то это серьёзный сигнал о кризисе не только религии, но и науки. Выходит, она также не оправдала ожиданий общества, не сумев обеспечить, чтобы научный прогресс приводил к общему благоденствию и такому устройству общества, которое бы исключало кровопролитные войны.

5. Идеология традиционализма.

Третья новая черта мистицизма в XX веке – это его сопряжение с идеологией консерватизма и экстремизма. Кризис европейской цивилизации XX века и критика её буржуазных основ, имеющая в виду необходимость слома современной культуры и социальной системы, теоретически допускала два противоположных выхода. Один – к преодолению архаичных черт, отягощающих современное общество, к дальнейшему прогрессу техники и демократии. Другой – к отказу от погони за прогрессом, к восстановлению традиционного общества и традиционных ценностей (об этом втором: Bertin 1987; Sedwick 2004).

Глашатаем этого второго пути был французский философ, идеолог консервативных кругов Рене Генон (Rene Guenon 1886 – 1951; см. Sraut, 1978; Maxenu 2001). Он происходит из семьи, придерживавшейся католической традиции и проживавшей в Блуа. Математическое образование получил в Парижском университете. Генон исходил из диффузионистского положения, признавая: «Тем, что у нас есть интеллигентного, мы обязаны исключительно Востоку». В связи с этим он увлёкся эзотерическими учениями, обещающими повести человека к бессмертию. Занялся оккультизмом, гностицизмом, индуизмом (Генон 2002; 2004). Наставником его был индус из школы Адвайта. Затем Генон перешёл к увлечению арабской философией, суфизмом, а теософию отверг (в 1921 г. написал книжку «Теософия: история псевдорелигии»). Суфизм – это течение в исламе, возникшее больше тысячи лет назад и признающее реальным лишь существование Аллаха, а все вещи и явления – лишь его эманацией. Высшей целью жизни суфии считают мистическое соединение души с Аллахом, а для этого требуется отречение от всего земного. Соединение это происходит в экстазе, до которого верующие должны себя доводить. Генон стал учеником и последователем Саламы ибн Хасана аль-Ради, основателя хемедийской ветви суфийского ордена Шазимийя. В 1912 г. 26-летний поклонник Востока принял ислам, взял себе арабское имя, с этого момента он шейх Абдель Вахед Якья, а с 1931 г. и поселился в Египте, женившись на дочери шейха из фатимидского рода (потомков пророка по женской линии).

Наиболее известные книги Генона – «Кризис современного мира» и «Восток и Запад» (Генон 1991; 2005). В них Генон утверждает, что современность – это тёмный век,

что суть истории – это противостояние Востока и Запада (это ещё до Хантингтона); он критикует экспансию Запада, разрушающую традиционный мир Востока (Генон 2005; Nakl 1996). Генон целиком за реставрацию Традиции во всём (Генон 2000).

Другим выдающимся ревнителем традиционализма был итальянский барон Джулио Чезаре Андреа Эвола (Evola 1898–1974; см. Boutin 1992; Cassata 2003). Принадлежа к аристократическому роду испанского происхождения, он окончил инженерный факультет, в войну побывал на фронте. Занялся поэзией и живописью, связался с футуристами, дружил с Маринетти. Разойдясь с ними по вопросу о войне (те были против Германии, а он – за), сблизился с дадаистами. Первая его книга – «Абстрактное искусство». Увлечение наркотиками привело к желанию самоубийства. Но буддийские тексты послужили противоядием. С тех пор он начал жизнь философа и поменял своё имя Джулиус на Юлиус. При этом сохранил все замашки аристократа и консервативного человека – всегда оставался тщательно одетым и ухоженным.

В 1925 г. в «Очерках о магическом реализме» он критикует современное научное познание и демократические идеалы. С этого времени увлекается восточными учениями, в частности тантризмом и дзен-буддизмом. Пишет книги «Человек как воля» (1926) и «Теория и феноменология абсолютного индивидуума» (1927) – эту он начал писать ещё в 1917 г. на фронте. Приход к священному, с его точки зрения, возможен через реализацию абсолютной свободы (а не как у Гегеля – через осознанную необходимость). В это время он посещает кружки спиритуалистов, теософов и антропософов. В конце 1926 г. создаёт группу «Ур» для пропаганды эзотерических учений, но группа раскололась, а фашисты заподозрили его в применении чёрной магии против дуче. Но позже он публикуется в фашистских журналах. Отношение к христианству у него резко отрицательное. В 1928 г. он пишет книгу «Языческий империализм».

В 1934 г. выходит его главный труд – «Восстание против современного мира», одобренный Геноном. В том же году по приглашению Гимmlера он едет в Германию и читает лекции высшим кругам СС. Пишет он в это время и книги по расовому вопросу: «Три аспекта еврейского вопроса» (1936), «Миф крови» (1937), «Синтез расовой доктрины» (1941), одобренные при встрече лично Муссолини. Но Эвола имел в виду не биологическую расу, а духовную – это расходилось с основной немецкой трактовкой.

Во время Второй мировой войны, после высадки союзников в Италии в 1943 г. и переворота против Муссолини, он бросился в Германию, там встретился с Муссолини, выкраденным усилиями Скорцени, некоторое время жил в созданной на севере Италии фашистской республике Сало. Потом с отступающими укрылся в Вене, но там попал под бомбардировку. Бравирюя смелостью, прохаживался под бомбами и был ранен в позвоночник. Санитарам сказал только: «Надеюсь, с моим моноклем ничего не случилось?». Но попал в госпиталь на два года и остался парализованным. В 1951 г. он оказался в своей римской квартире, но оттуда был препровождён в тюрьму как активный апологет фашизма. В защитительной речи на процессе он отстаивал, что его идеология не фашизм, а традиционализм, и был отпущен. Его идеологию, однако, помещают правее фашизма (Cassata 2003). Эту идеологию он излагал в своей книге «Люди и руины» (1953, русск. перев. 2002). На некоторое время его забыли, и лишь после бунтов 1968 г. его идеи оказались востребованными. Но он был уже немощен и стар. Распорядившись, чтобы его похоронили не по христианскому обряду, он умер и был кремирован, а прах по завещанию увезён в горы.

Были и другие фигуры идеологов борьбы за возвращение к Традиции, за современную Реставрацию, за консервативные ценности (в Японии вооружённую попытку поднять мятеж предпринял писатель Юкио Мисима; в России идеолог консерваторов, сын генерала ГРУ Александр Гельевич Дугин проделал эволюцию от члена руководства антисемитской «Памяти» через организацию национал-большевизма с Лимоновым до пропутинской «евразийской» державности). Но из рассмотренных двух наиболее теоретичных фигур – французской и итальянской – видно, что мистика и

почитание восточных учений пронизывали эту идеологию. Впрочем, тот же интерес можно увидеть и у других названных идеологов.

6. Мистика в нацизме.

Крайний национализм в Европе, прежде всего немецкий, также был пропитан мистикой. Она ему сродни принципиально. Ведь с конца XVIII века национализм теоретически осмысливается и воодушевляется учением о «национальном духе», а в этом понятии изначально было нечто мистическое. Правда, позже это понятие материализовалось – для одних в национальном характере, связанном с мозговой деятельностью и хранимом традицией, для других – в расе, но ввиду слабости доказательств обеих материализаций мистика оставалась (и остаётся) существенной частью националистической идеологии. Немецкий нацизм демонстрировал это с полной очевидностью.

Не случайно наиболее горячий очаг немецкого национализма сложился тогда в Австрии. Австрия конца XIX века быстро теряла свои преимущества метрополии огромной империи и застрельщика объединения всех немцев. В 60-е годы, после поражения Австрии в войне с Пруссией роль объединителя немцев перешла от Вены к Берлину, а внутри империи Габсбургов абсолютизм сменился парламентским правлением. Венгрия добилась равного с Австрией положения в империи, а силу и автономию набирали и славянские провинции. В Вене доля славянского и еврейского населения быстро возрастала, а вообще население Вены выросло втрое, и немецкое население, особенно ремесленное и торговое, привыкшее к спокойной жизни в привилегированных условиях, испытывало жёсткую конкуренцию со стороны более динамичных новых горожан. Свои невзгоды они связывали с утратой господствующего положения немецкой нации в империи, с потерей национальной чистоты городов и особенно столицы, воспринимая всё это как национальное унижение и упадок. В этих обстоятельствах резкое обострение ксенофобии и националистической обиженности понятно (Pulzer 1966), а отсутствие реальных опор для возврата к прежнему положению неизбежно обращало недовольных к упованию на «национальный дух», к мистике предназначения и судьбы.

Напомню, что Гитлер вырос в Австрии, и он был в Австрии не один такой и не первый. В Германию же он переселился к тому времени, когда в результате поражения в мировой войне население Германии бедствовало и когда неустроенность и национальное унижение толкали немцев к идеям реванша и вражды к другим нациям. Впрочем, как я уже указывал, вспышка шовинизма и антисемитизма отмечалась в Германии ещё раньше – вскоре после создания Бисмарком Германской империи.

Гитлер очень ценил писания австрийца фон Листа и в молодости находился под его влиянием. В конце XIX века в Вене Гвидо фон Лист (List G. v. 1848 – 1919) ещё будучи подростком 14 лет и стоя перед языческим алтарем в катакомбах под собором Св. Стефана в Вене, сказал: «Когда я вырасту, я построю храм Вотана!» Уже тогда германское язычество влекло его больше, чем христианство. Храма Вотана он не построил, но написал много стихов, драм и романов о германских мифоэпических богах и героях. Писал также о германской топонимике и рунах, причём в расшифровке основывался исключительно на своей интуиции. В конце XIX века он восстановил тайный орден розенкрейцеров (название от немецкого: Крест и Роза), возникший в эпоху Возрождения и сочетавший занятия алхимией с крамольными идеями равенства и братства. В алхимии розенкрейцеры пытались переделать свинец в золото, а в отношениях между сословиями поднять простолюдинов до уровня благородных – «перековать человека». Так что переделка свинца в золото стала символом «равенства» и «очищения». Знак этого алхимического действия – пятиконечная звезда (как знак равенства он стал символом республиканского строя). Занимались розенкрейцеры и астрологией, которая должна была

помочь человеку узнать свою судьбу и освободиться от предопределенности судьбой. В терминах астрологии зашифровывалась «свобода».

Фон Лист поменял гуманистические цели Возрождения на идеи нордической расовой чистоты, освобождения германцев от расовых примесей. В книге «Мистерияльный язык индогерманцев» Лист писал о духовном превосходстве германских предков, обитавших на севере на древнем континенте Арктогея со столицей Туле. Повлиял Лист и на Ланца фон Либенфельз.

Йорг (настоящее имя Адольф) Ланц фон Либенфельз (Jorg Lanz von Liebenfels 1874 – 1954), младше Листа на 26 лет, был вдохновителем и идейным предтечей Гитлера в Австрии (на деле фон Либенфельзом он не был, дворянское происхождение себе присвоил). Он был одним из тех, у кого Гитлер заимствовал свои идеи (немецкий шовинизм, расизм, антисемитизм, истребление «расово неполноценных», новый мировой порядок). Юный Адольф Гитлер в 1908 г. виделся с Ланцем и потом зачитывался его писаниями.

Ланц же подростком, вдохновившись оперой Маршнера «Храмовник и еврейка» (по роману Вальтера Скотта «Айвенго»), увлёкся средневековым рыцарски-религиозным орденом храмовников (тамплиеров) и возомнил себя храмовником. Причём целью храмовников он предполагал очищение арийской расы, роспуск же ордена и расправу над ним приписывал наущению людей низшей расы, когда католическая церковь обьеважилась. Факт, что Иисус был евреем, он с негодованием отвергал. О библейском Моисее писал специальные сочинения «Моисей как антисемит» и «Моисей как пророк расовой морали». Всё же он вступил в современный католический орден Святого Креста, принял имя брата Георга (Йорга), но его скоро выгнали из ордена, как было объявлено, за «ложные» нехристианские идеи и плотские грехи. Тогда он основал собственный орден – Нового Храма, став его магистром и выдвинув лозунг построения «государства блондинов». Он первым сделал свастику символом арийской расы, а враждебную низшую расу окрестил «чандалами» (это название низшей индийской касты). Стал писать сочинения и издавать журнал «Остара» (название якобы древней арийской богини). За свою жизнь он написал больше двухсот брошюр и статей.

Доказательств его концепциям не требовалось: достаточно было ссылок на писания Гобино, Чемберлена и Вагнера, а всё новое обосновывалось откровениями свыше, пророческими снами и мистическим проникновением в суть вещей. Среди его сочинений – «Библиомистикон» – ключ к тайному расовому смыслу библейских текстов: скажем, «камень» означает чандалу, а «ангел» означает арийского героя. С этой дешифровкой библейский текст «ангел отвалил камень» обретает истинный смысл. Другие сочинения Ланца: «Очерки ариософского тайного учения», «Практический учебник каббалы», «Практическое введение в ариохристианскую мистику», «Святые как культурные и расовоисторические иероглифы» и т. д.

Он искал сторонников по всей Европе, контактировал со шведским писателем Стриндбергом, с лордом Китченером, в Лозанне, по воспоминаниям Ланца, некая баронесса познакомила его с Лениным, пребывавшим в эмиграции, но после часовой беседы Ленин отнёсся к Ланцу и его ордену иронически. Вильфрид Дайм (Daim 1994) предполагает, что познакомившей баронессой была Блаватская, но это невозможно: Блаватская умерла до приезда Ленина в Швейцарию и до превращения Ланца в тамплиера.

На год младше Ланца был англичанин Алистер Кроули (Aleister Crowley 1875 – 1947), состоявший в «Ордене восточных тамплиеров» и занимавшийся оккультными науками. Не раз он бывал в Китае и Гималаях, изучал буддизм, йогу и тантрические культы. Написав ряд книг по магии, Кроули предался сатанизму. Он считал, что сатана не враг человека. Соответственно он называл себя Великим Зверем и симпатизировал Гитлеру.

Его сверстник Герман Вирт (Wirth), родившийся в Утрехте (Голландия), ещё ближе к нацизму. Начав с изучения германского фольклора (диссертация «Упадок народных

песен» в 1910 г.), он загорелся националистическими идеями, в 1929 г. вступил в национал-социалистическую партию и совершенно утратил чувство реальности. В книге «Священная письменность человечества» (1933) он пишет о рунах, распространившихся около 15 тыс. лет назад нордической расой из Арктики («культурный круг Туле»); руны эти возникли из астральных символов положений Солнца, а письменность излагает древнюю религию. В том же году Вирт организовал выставку рун со всего света, которую посетил Гиммлер. Выставка называлась «Наследие предков» («Ahnenerbe»). На основе предложений Вирта было создано эсэсовское общество «Аненэрбе», обладавшее сетью научно-исследовательских институтов. Эти институты проводили археологические раскопки и этнографические экспедиции в Тибет, на поиски древних рукописей и ритуалов. А СС был организован по типу рыцарских орденов, но нехристианских, ибо ритуалы в нём были ближе к древним языческим – с культом огня и руническим календарём.

В том же году Вирт занялся публикацией и трактовкой «Хроники Ура-Линда» – известной подделки типа «Велесовой книги». В 1937 г. Гиммлер ограничил участие Вирта в делах Аненэрбе, а потом уволил.

В конце XIX и начале XX века немецкие националисты-антисемиты были убеждены, что существует тайный заговор евреев против немецкого народа. Для противодействия они решили создать тайный орден германцев, и в 1910 – 1912 гг. идея была реализована. Главной фигурой ордена (и его первым магистром) был происходивший из крестьян Теодор Фрич. В орден вошли многие и разнородные организации националистов. Среди них было немало оккультных. В начале века в Германии объявился барон Зеботтендорф (Sebottendorf, на деле Рудольф Глауэр, сын машиниста, скитавшийся, судимый как фальшивомонетчик и усыновленный австрийской аристократической четой Зеботтендорф). По слухам, будучи в Турции, он был посвящён в оккультное общество «оборотней». В Мюнхене он создал общество Туле. Вскоре организации новых храмовников, розенкрейцеров, Туле и другие, а также НСДАП вошли в тайный Орден Германцев (Germanenorden), в правлении оказался Зеботтендорф, а великим магистром ордена в 1932 г. стал Гитлер. Есть его фотографии с руками сложенными на груди крестом – это жест магистра из устава ордена. Зеботтендорф опубликовал в 1933 г. книгу «Прежде чем появился Гитлер», в которой раскрыл эту тайну, но Гитлер пришёл к власти, и книгу из всех магазинов изымали и уничтожали. В 1935 г. Орден Германцев был распущен. Решено было, видимо, что всё это отчуждает фюрера от народа. Барон бежал в Турцию, но 8 мая 1945 г, в день капитуляции Германии, утопился в Чёрном море.

В начале XX века военным атташе Германии в Токио работал Карл Эрнст Хаузофер (Karl Ernst Haushofer 1896 – 1946). Есть сведения, что в Японии он был посвящён в некое общество Зелёного Дракона и что поэтому ему открывались двери буддистских монастырей в Лхассе, где он обучился оккультной практике. В годы первой мировой войны он дослужился до генеральского чина и прослыл ясновидящим – столь прозорливыми были его решения. После войны он занялся наукой, стал профессором в Мюнхенском университете и, используя одну статью известного географа Фридриха Ратцеля о «жизненном пространстве», разработал основы *геополитики* – с него начинается эта отрасль знаний. Ассистентом его по университету был молодой Рудольф Гесс, впоследствии заместитель Гитлера по партии. После провала мюнхенского путча в 1928 г. Гитлер и Гесс вместе сели в тюрьму, куда к ним пускали с визитами профессора Хаузофера. Между беседами с ним и, видимо, под влиянием некоторых его идей Гитлер и продиктовал Гессу «Майн Кампф». Хаузофер был близок к обществу Туле. Сын Хаузофера Альбрехт был казнён после покушения на Гитлера в 1944 г., и в кармане его нашли записку со стихами: «Всё зависело от того, чтобы оттолкнуть демона в его темницу. Мой отец сломал печать, он не почувствовал дыхания лукавого. Он выпустил демона в мир». А сам профессор был привлечён в качестве свидетеля на Нюрнбергском

процессе, и 14 марта 1946 г., убив свою жену Марту, покончил с собой – соответственно кодексу самурайской чести (или подражая главарям Рейха).

Упование Гитлера на ясновидцев хорошо известно, оно отражено в романе Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак». Австрийский оккультист Ганс Гёрбигер внушал молодому Гитлеру свои бредовые идеи Млечного пути из льда, смены четырёх лун, усмирения мороза волей и т. п. Австриец же Эрик-Ян Хануссен (настоящее имя Гершель Штейншнейдер), ясновидец и астролог, обучал Гитлера риторике и давал телепатические сеансы. Его пристрелили, когда он предсказал (или выдал?) поджог рейхстага. Астролог Карл-Эрнст Крафт предсказывал пути стратегических ударов противника – ошибочное указание (Греция вместо Италии) стоило ему головы – его отправили в Бухенвальд и расстреляли. При Гиммлере подвизался старый австрийский мистик и маг Карл Мария Вилигут (эсэсовский псевдоним Вестхор) – Гиммлер держал старика при себе адъютантом в генеральском чине (пока не выяснилось прошлое Вилигута: лечение в доме умалишенных).

В ряде книг бульварного типа (Бержье и Повель 1991; Телицын 2001) утверждается, что вся идеология и стратегия нацизма сформирована мистическими учениями или даже не учениями о тайных высших силах, а самими этими демоническими силами, что они гипнотически и телепатически направляли Гитлера с его присными и управляли ими. Доказательства выдуманы или натянуты. Это хорошо показано в солидной книге Николаса Гудрик-Кларка (2004), но из неё также явствует, что оккультные учения играли важную роль в формировании нацистской идеологии, ибо были родственны ей.

Таким образом, мистика предстала в XX веке, так сказать в идейном пучке – в сопряжении с тягой к Востоку, с определённой идеологией и политикой и с выходом в антропологию. Некоторую связь с этим пучком (но не обязательно и не прямо с политикой) имеют и определённые философские учения – экзистенциализм, феноменология.

Когда мы наблюдаем за экзальтацией мистически настроенных психопатов и за сугубо корыстным беснованием многочисленных мошенников – всех этих чёрных и белых магов, колдунов, целителей, астрологов, ясновидящих, – строящих своё благосостояние на наивном мистицизме масс, то нужно помнить, что в основе того и другого – не только психопатия и не только притворство, но и глубокие социально-исторические причины. Но в любом случае мистика – это симптом болезни общества.

Библиография

- Бержье Ж. и Повель Л. 1991. Утро магов. Пер. с франц. М, Миф.
Генон Р. 1991. Кризис современного мира. Москва, Арктогея.
Генон Р. 2002. Символика священной науки. Москва, Беловодье.
Генон Р. 2000. Очерки о традиции и метафизике. Санкт-Петербург, Азбука.
Генон Р. 2005. Восток и Запад. Москва, Беловодье.
Гудрик-Кларк Н. 2004. Оккультные корни нацизма. Москва, Яуза – ЭКСМО.
Рерих Н. К. 1991. Сердце Азии. Санкт-Петербург, ЛО СФК.
Рерих Н. К. 2000. Шамбала. Минск и др., Лотаць – Изумруд.
Рерих Н. К. 2005. Держава света. Сборник. Москва, ЭКСМО.
Телицын В. Л. 2001. Проект «Аненэрбе»: Наследие предков и Третий Рейх. Москва, Олимп – Астрель – АСТ.
Шишкин О. А. 1999. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. Москва, Олма-Пресс.
Albrecht R. und Schubler W. Paul Tillich: Sein Leben. Frankfurt am Main, Lang. 1993
Balthasar A. U. v.. Karl Barth: Darstellung und Deutung seiner Theologie. Koln, Hegner. 1951

Baumann-Bey L. Achtung, Anthroposophie: ein kritischer Insider-Bericht. Zurich, 2000.
Bertin Fr. Metaphysique et politique: Rene Guenon, Julius Evola. Paris, 1987.
Boutin Chr. Polithique et tradition: Julius Evola dans le siecle, 1898 – 1974. Paris, 1992.
Busch E.. Karl Barths Lebenslauf. Zurich, TVZ, Theologisch. Verlag. 2005
Cassata F. A destra del fascismo: profilo politico di Julius Evola. Torino, 2003.
Jameson, F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism (*New Left Review* I/146, July-August, 1984).
Harvey, D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change, 1989 ([ISBN 0-631-16294-1](#)).
Griaule M. Dieu d'eau. 1948.
Lyotard, J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984 [*La Condition postmoderne: Rapport sur le savoir*. Paris: Éditions de Minuit, 1979].